
ЭТНОСЫ И «НАЦИИ» В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

В СРЕДНИЕ ВЕКА
И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

Коллектив авторов
Нина Александровна Хачатурян
Этносы и «нации» в Западной
Европе в Средние века
и раннее Новое время

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11975519

Этносы и «нации» в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / под ред. Н. А. Хачатурян.: Алетейя; Санкт-Петербург; 2015

ISBN 978-5-9905927-4-2

Аннотация

Настоящая монография стала итогом работы одноименной общероссийской конференции медиевистов, состоявшейся на историческом факультете МГУ 15–16 февраля 2012 г. На обширном историческом материале исследуются этнические и протонациональные дискурсы, а также обусловленные ими практики в Европе в Средние века и раннее Новое время. Особое место уделено факторам, определявшим специфику этнополитических процессов в композитарных и сложных по этническому составу государствах.

Для историков, политологов, социологов, а также интересующихся этнической историей европейских народов в Средние века и раннее Новое время.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Этносы и нации: преемственность явлений и проблемы «актуального средневековья»	7
I. Этнонациональные процессы: факторы, результаты, номинация явлений	26
I.I. Проблема этносов и протонаций в контексте социально-экономической и политической эволюции средневекового общества в Западной Европе[1]	26
I.II. Медиевистика и национальный вопрос (о неопределенности определений)	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Этносы и «нации» в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время

ETHNOSES AND «NATIONS» IN WESTERN
EUROPE

IN THE MIDDLE AGES AND THE EARLY MODERN
TIME

Edited by *N. A. Khatchaturian*
Saint-Petersburg
ALETHEIA 2015

Издание подготовлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) Проект № 06-01-00486а

Редакционная коллегия:

д. и.н., профессор *Н. А. Хачатурян* (ответственный редактор), к.и.н., доцент *И. И. Варьяш*, к.и.н., доцент *Т. П. Гусарова*, д.и.н., профессор *О. В. Дмитриева*, д.и.н., профессор *С. Е. Фёдоров*, *А.В. Романова* (ответственный секретарь)

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *Л. М. Брагина*

доктор исторических наук, профессор *А. А. Сванидзе*

Этносы и нации: преемственность явлений и проблемы «актуального средневековья»

Настоящая монография стала итогом работы общероссийской конференции медиевистов, организованной Оргкомитетом научной группы «Власть и общество» при кафедре истории средних веков и раннего Нового времени Исторического факультета МГУ, состоявшейся 15–16 февраля 2012 г.

Сама конференция – восьмая по счету, и девять опубликованных монографий, восемь из которых являются коллективными¹, позволяют, по нашему мнению, признать, что решение членов кафедры в начале 90-х годов создать научную группу, которая бы консолидировала в масштабах страны медиевистов, по преимуществу специалистов по политической истории Средневековья, с целью возродить и обновить эту область знания в отечественной науке, – в целом оправдало себя. Предлагаемые Оргкомитетом группы к разработке проблемы и их решения отражают современный уровень мирового исторического знания. Их отличает разнообразие аспектов изучения, в которых присутствуют государственная и институциональная история, в частности, в контексте актуальной сегодня концепции *Etat moderne*; политическая ис-

тория, часто в рамках микроистории (события, люди), или тоже актуальных сегодня параметрах её культурно-антропологического измерения (имагология, политическая культура и сознание). Специальное направление исследований составляют социологические проблемы потестологии с темами: феномен власти и средства её реализации, в исследовании которых историю традиционных политических институтов несколько потеснили формы репрезентации монарха, апеллирующие к сознанию членов общества и рассматриваемые властью в качестве своеобразного диалога с ними.

Показателем требуемого сегодня научного уровня работы группы, служит неоднократная поддержка её исследовательских и издательских проектов со стороны РГНФ. Концептуальная и проблемная целостность изданий, которые обеспечивают программные проекты конференций с последующей редакционной работой над текстами, само содержание материалов с их проблемной рубрикацией делают труды группы не сборниками статей, но *de facto*, – коллективными монографиями.

Что касается научной значимости материалов данной публикации, то её определяет несколько слагаемых. В их ряду следует назвать тот факт, что предыстория современных западно-европейских государств началась именно в эпоху Средневековья. В рамках этой эпохи они пережили процесс трансформации этносов в более сложные социополитические и культурные этнонациональные образования, обрет-

шие уже в Новое и Новейшее время статус национальных государств, обозначивших основные контуры политической карты сегодняшней Западной Европы. Более того, востребованность этой тематики подчеркнули процессы современной глобализации мира, которые во многих случаях обострили не только межгосударственные отношения, но и внутреннюю жизнь в ряде стран, благодаря возвращению казалось бы изжитых процессов самоопределения этносов вплоть до попыток образования ими новых государств или возвращения некогда потерянной политической самостоятельности. Усилия в формировании новой этнонациональной архитектуры современного мира только в Западной Европе демонстрируют регионы северной Италии на Аппенинском полуострове, страна басков и Каталония на Пиренейском полуострове, носители романского и фламандского языков в Бельгии и Нидерландах; наконец, население Ирландии и Шотландии в Британском содружестве. Современные этнонациональные проблемы, подтверждая неизбывность процесса исторического развития, вместе с тем приближают к нашему сегодня – далекое средневековое прошлое, которое обнажает генезис интересующих нас явлений: полиморфизм начальной истории этносов, сложный путь их консолидации в новую более зрелую общность, специфику условий, предопределявших выбор того или другого этноса на роль ведущего в национальном самоопределении общности, наконец, возможности или слабости последней, которые, в частности, могли

зависеть от положения в ней малых этносов.

К сожалению, отечественные историки-медиевисты не создали специального направления по изучению данной тематики. На страницах наших работ она возникает чаще всего в качестве сопутствующих сюжетов, в контексте проблем освободительной борьбы или формирования национального сознания и чувства патриотизма, восприятия «свой-чужой». Уступив эту область исторического знания преимущественному вниманию этнографов, антропологов и социологов, историки-медиевисты обеднили собственный предмет анализа, в известной мере облегчив возможность нарушения принципа исторической преемственности в решении интересующего нас вопроса. Эту ошибку часто допускают исследователи – «новисты», особенно политологи и социологи, рассматривая такое явление как нация исключительно в пространстве проблем Нового времени и современности.

Несомненную остроту теме сообщает состояние современного научного знания, связанное с изменениями в эпистемологии и в первую очередь с новыми оценками роли сознания в историческом процессе и подходах к его изучению. Итогом, и следует признать весьма плодотворным, подобных изменений стало специальное внимание исследователей к проблемам эмоционального и отрефлексированного восприятия человеком этнонациональных общностей. Именно в этом контексте исследований появились, к примеру, новые темы идентификации и самоидентификации этнонациональ-

ных групп. Бесспорную значимость чувственного начала в формировании в конце XVI – начале XVII вв. глубоко осознавал выдающийся для своего времени английский историк Уильям Кэмден. Воссоздавая на страницах своих сочинений сложную структуру британской общности (география, народы, языки, историческое прошлое, памятники...) – он справедливо заметил: «Язык и место всегда держат сердце»². Однако процесс исторического познания столь же убедительно демонстрирует собственные сложности, – одной из которых является, с почти непреложной настойчивостью повторяющееся стремление исследователей придавать очередной новации в видении исторического процесса исключительное значение. Подобная «эмоциональность» ученых чаще всего оборачивается нарушением комплексного видения процессов и явлений. Категоричные заявления, согласно которым, этнос и нацию «делает ощущение индивида своей принадлежности к ним», – не должно для исследователя обесценивать факта реального формирования и существования соответствующей общности. На наш взгляд, этот давний, казавшийся вечным спор о «первичности яйца или курицы», в свете исторической эпистемологии сегодня выглядит, если не решенным до конца, то безусловно менее схоластичным, благодаря преодолению в философии истории традиционной альтернативы в вопросе соотношения материи и духа. Оба условия – возможность соблюдения принципа исторической преемственности в оценке явлений «этнос» – «нация»,

подобно задаче преодоления разрыва в толковании связки «явление – представление о нем», с преимущественным вниманием к «представлению», – лежат в анализе интересующей нас темы на путях её комплексного видения и рассмотрения. Именно этот методологический подход стал одной из ведущих линий в материалах данной публикации.

Было бы неправильным считать, что авторы тома решили задачу соотношения и природы этносов и наций, тем не менее, материалы публикации делают очевидной преемственность этих явлений, подчеркивая, таким образом, отнюдь не «внезапное» появление национальных общностей Нового времени, в любом случае ставших результатом внутренней трансформации аморфных этнических социумов в более зрелые образования. Вместе с тем, факт преемственности этих явлений и повторяющиеся компоненты в их характеристике: «малые» или «ведущие» этносы, – общая историческая судьба и историческое существование социумов в очередных геополитических границах государств, – затрудняют возможность уловить «начало» качественного перехода.

В материалах, представленных Н.А. Хачатурян, сделана попытка найти решение вопроса в контексте анализа условий общественного развития, которые подготовили этот переход. Совокупность изменений – экономических, социальных, политических, – начавшихся в условиях модернизации средневекового общества, при их относительной координа-

ции, – автор определила понятием «консолидации», подчеркнувшим глубинность процесса. Именно этот процесс, в качестве решающего средства преодоления средневекового партикуляризма, обозначил, по её мнению, вектор движения к возникновению «национального» единства (потенциал мелкого производства, связанное с ним умножение социальных связей и расширение пространства их действия; преодоление личностного начала в них; выравнивание социального статуса крестьянства и горожан, их сословно-корпоративная самоорганизация; социальная динамика; формирование института подданства...)

Дополнительный научный интерес к теме сообщает её дискуссионный характер, вызванный состоянием понятийного аппарата проблемы. Номинацию явления формировали опыт греческой и римской истории [понятия этнос (ethnos), нация (natio/, связанные с глаголом рождаться (nascor)], тексты Библии, раннесредневековых и средневековых авторов и документов создавали множественность, неопределенность и переплетенность терминов из-за разности смыслов, вкладываемых в повторяющиеся во времени слова-понятия, или наоборот, из-за употребления разных понятий к однопорядковым явлениям (племя, народ). «Осиное гнездо понятий» – оценка ситуации, встречающаяся в современной научной литературе, весьма убедительно свидетельствует на наш взгляд о нецелесообразности чрезмерного увлечения терминологией явлений, поскольку оценку сущности последних, как со-

держательного наполнения их условных по характеру номинаций, может обеспечить только конкретно – исторический анализ с учетом того, что ни одно из понятий не может передать содержательную множественность явлений. Убедительность последнего соображения показал анализ общественных предпосылок интересующего нас явления в упомянутой выше публикации Н.А.Хачатурян. Именно такой, лишенный ригоризма подход к понятийному аспекту темы демонстрирует М.А. Юсим в своей теоретической по характеру главе. Специальный интерес в ней вызывает толкование автором модных сегодня в исторической и социологической литературе тем, связанных с проблемой номинаций, но посвященных изучению иных форм сознания, которые в контексте этнонациональных процессов реализуют себя в явлениях идентификации (соотнесения субъекта с группой) и самоидентификации (субъективное осознание субъектом или группой своего образа).

Наша позиция в отношении понятийного ригоризма, излишняя увлеченность которым часто подменяет собой собственно научный анализ реальных явлений, получает дополнительные аргументы в весьма интересной и значимой для нашей темы главе, написанной Р. М. Шукуровым. Содержащийся в ней материал представляет собой органическое соединение исторического и философского аспектов исследования, посвященного византийским моделям этнической идентификации. Оставляя в стороне принципиально важ-

ный в эпистемологическом контексте для предпринятого автором анализа вопрос об «архаизации» исследовательской манеры византийских интеллектуалов, я позволю себе выделить его соображения по принципиальным проблемам, затронутым в нашей публикации. Р.М. Шукуров, к примеру, подтверждает впечатление о возможности множественных подходов или маркеров при выработке (формировании) понятий для этнических явлений. По данным византийских текстов автор вычленяет модель этнической идентификации по номинации народов – близких или дальних соседей Византии, в основе которой лежал локативный (пространственный) параметр. Оценивая базовую логику византийского метода систематизации и классификации объектов исследования, автор, подобно византийским интеллектуалам, уделяет специальное внимание аристотелевской логике в части рассуждений великого философа о соотношении общего и единичного (род и вид), – в конечном счете о соотношении абстрактного и конкретного мышления. Эта теория, в качестве вечной истины получившая подтверждение и новое дыхание в контексте современного толкования принципа относительности в историческом процессе и эпистемологии, побуждает и нас, в хитросплетениях понятий непременно помнить об их условности.

Констатация Р.М. Шукуровым пространственного измерения идентичности народа или человека обозначила, на наш взгляд, некую проявившую себя особенность в мате-

риалах нашей публикации. Астрологические и климатические теории в трактатах Клавдия Птолемея, Гиппократ, Плиния Старшего, Посидония, – не позволили автору главы остановиться только на роли локального маркера в номинации этнических процессов. Они побудили его дать по существу, расширительную характеристику географического (пространственного) фактора в этих процессах, отмечая его влияние на нравы, характер и даже историческую судьбу народов в контексте идеи «баланса», «равновесности» в греческой философии. Эти наблюдения в совокупности с анализом политического влияния пространственных мутаций на этнический полиморфизм в условиях формирования этнонациональных государств (гл. Н.А. Хачатурян), – подчеркнули целесообразность рассмотрения роли географического фактора в качестве специальной линии исследования интересующего нас сюжета.

Группа глав в материалах тома с преимущественным вниманием к явлениям духовной жизни, дополнили картину социально – экономических и политических факторов показателями процессов формирования «национального» сознания, то есть анализом таких явлений как язык, культура, религия, мифы об историческом прошлом, историческая, политическая и правовая мысль. Исходный для авторов глав настрой на органическую связанность личностных и «материальных» параметров в этом анализе позволил им отразить современное видение людей далекого прошлого. Оно пре-

ододело свойственный позитивизму настрой исключительно «социального» человека. Бывший ярким достижением исторического знания XIX века образ «социального» человека, то есть человека, включенного в общественную жизнь и в большей или меньшей мере зависимого от нее, изживал себя в условиях смены парадигм на рубеже XIX–XX веков, отмеченных нами выше. Новый образ человека-актера сегодня должен был быть восстановлен в свойственной ему полноте, – то есть в связке социального и природного начал прежде всего – его психологии.

Историческая, политико-правовая мысль, культурные феномены (поэзия в качестве объекта внимания) в монографии представляют собой по преимуществу формы отрефлексированного сознания, будучи, если не результатом творчества интеллектуалов, то в любом случае людей письменной культуры, образованной частью общества. Особенностью отрефлексированной, в первую очередь политико-правовой линии, явились свойственная ей выраженная печать организующей роли государственных структур или субъектная ангажированность позиции в отношении этнонациональных процессов.

Специальный интерес в этом контексте (и не только) представляет глава, написанная С.Е. Федоровым, значимость которой определяют две особенности: объект анализа и уровень его реализации. Речь идет о чрезвычайно трудном варианте формирования коллективной общности в условиях

композиционной британской монархии XVI – нач. XVII веков, пытавшейся преодолеть партикуляризм составляющих ее компонентов, – английского, шотландского, ирландского и валлийского. Процесс исследуется на субъективном уровне конструирования концепции коллективной общности, с использованием дискурсивного анализа культурно-логиче-ских инструментов в текстах, созданных представителями интеллектуальных групп антиквариетов, юристов и богосло-вов. Дополнительный интерес авторской попытке сообща-ет многолинейность содержательной стороны исследователь-ского поиска с обращением к историческому прошлому ре-гиона. Последнее обстоятельство позволило автору вклю-чить в свой анализ такие сюжеты, как проблемы культурно-го и территориального сосуществования кельтских и герман-ских племен с пропагандистской тенденцией в концепции этих племен, а также теории континуитета в социально – по-литических институтах и церковной организации (гемот, ин-сулярная церковь) в истории британского содружества.

Любопытной перекличкой с материалами, публикуемыми С.Е. Федоровым, выглядит исследование А.А. Паламарчук, которое посвящено сложной судьбе «британской» общно-сти в условиях той же композиционной политической структу-ры, которую она реализует в контексте редкого в отечествен-ной медиевистике и потому особенно ценного анализа пра-ва. Дополнительный интерес анализу сообщает факт неуни-фицированной и сложной правовой ситуации в Англии, где

действовали параллельно общее и гражданское право, признающее до известной степени влияние Римского права. Автор иллюстрирует неодинаковое восприятие идеи британской идентичности теоретиками гражданского права с настроем на объединение общности, – и общего права, с настроем на сохранение региональных особенностей.

Монография содержит материалы своеобразной переключки вариантов функционирования политического фактора в стратегии формирования протонациональной идеологии. Её могли создавать в качестве гарантов справедливости высшая судебная инстанция и, следовательно орган государственного аппарата, каким является Парламент во Франции и Парламент Англии как общественный институт (статьи С.К. Цатуровой и О.В. Дмитриевой).

III раздел в монографии: «"Свой" и "чужие": конфликты или сотрудничество?» – группирует публикации, которые объединяет идея «противопоставления» народов – как почти неперемный, весьма эмоциональный и потому опасный компонент этно – национального самосознания.

Материалы раздела отличает конкретность и убедительность, которые обеспечены тщательным анализом не только нарративных, но и документальных источников – немецких, французских, венгерских и австрийских. Они отразили как разнообразие вариантов комбинации этно-конфессиональных элементов в гетерогенных политических образованиях типа Священной Римской империи, Австро-Венгрии

или государствах Пиренейского полуострова, так и разнообразие в выборе маркеров, с помощью которых происходила «сортировка» на «своих» и «чужих». Они, наконец, дают любопытные «подсказки» на путях возможного смягчения позиций в восприятии «чужих», которые демонстрировало средневековое Западноевропейское общество – будь то нужда в грамотных профессионалах в управлении немецкими княжествами, – неизбежность «интернационализации» исполнительного верховного аппарата в многоэтнической Австро-Венгрии (Т.Н. Таценко, Т.П. Гусарова), или объективная необходимость в иностранных специалистах в условиях формирования мануфактурного производства, в частности по причине заинтересованности в освоении новых видов производства во Франции (Е.В. Кириллова).

В главе, написанной Т.П. Гусаровой, проблема кадровой политики Габсбургов в Венгерском королевстве, в частности её хорватского компонента, персонифицирована и документально подтверждена биографией и деятельностью юриста-хорвата Ивана Китонича, что сообщило анализу красноречивую убедительность. Обращают на себя внимание два факта, замеченные автором, которые по нашему мнению свидетельствуют о заметном отставании композитарной монархии Габсбургов и её составляющей – Венгерского королевства на путях модернизации средневекового общества и институционализации здесь государственности. Оба эти обстоятельства не могли не сказаться на процессах формиро-

вания «национальной» консолидации. Показательными примерами служат толкование «нации» в правовых нормах государственной жизни, ограниченные рамками дворянского происхождения и причастности к политическому управлению; а также ограничение доступа членов социума к королевской юстиции, – знак выраженного средневекового партикуляризма, затруднявшего оформление института «подданства».

Особый интерес представляют материалы, отразившие этнические и национальные процессы на Пиренейском полуострове в сравнительном сопоставлении их решения в исламской и христианской организациях политического устройства, которые обнаруживают известные совпадения: в вариантах маркирования населения не по принципу крови, но конфессиональной принадлежности; в формальной (вероятно не исключавшей возможного насилия), но «толерантности», благодаря факту признания автономного самоуправления конфессиональных социумов мусульман, иудеев, христиан, – самоуправления, регулируемого договором (И.И. Варьяш).

Выраженный теоретический аспект анализа отражает интересную попытку решения вопроса автором главы в контексте моделей политической культуры, в данном случае, модели, которая формировалась под влиянием особенностей Римской государственности, – отличной, от варианта развития, в Восточном Средиземноморье и ролью Византии в нем.

Итак, материалы, опубликованные в настоящем издании, отразили результаты многостороннего анализа этнонациональных процессов, происходивших в Западной Европе на уровне медленных глубинных изменений в общественной системе, более подвижных государственных форм, с учетом организующей роли политического фактора на уровне идей и эмоций участников процессов, а также примеров опыта взаимодействия «своих» и «чужих», ведущего этноса и малых образований. Подводя итоги коллективного исследовательского поиска, я позволю себе не только подчеркнуть исключительное значение «средневекового» этапа в историческом процессе, в данном случае по показателям этнонационального вектора развития, но попытаюсь аргументировать эту могущую показаться чрезмерной высокую оценку сообщениями, в тоже весьма рискованном и обязывающем автора контексте «актуального Средневековья». Попытка не окрашена чувством реванша за долгую недооценку средневековой истории в советской исторической науке XX столетия. Утверждение не продиктовано встречающимися иногда в истории «повторами» старых форм общественного развития, которые, как правило, в современной жизни выглядят неорганичным явлением, будучи только слабым отражением своих оригиналов (рабство сегодня; апроприация публичных государственных служб, публичной власти или собственности, создание частных «дружин» защиты). Речь идет о значимости средневекового опыта при весьма вырази-

тельной множественности оснований, обусловивших на наш взгляд эту значимость. Назову три из возможных аргументов.

Это, во-первых, место «средневекового» этапа на шкале исторического времени. Он стал непосредственной «предысторией» современного общества, благодаря потенциалу общественной системы, отличительным признаком которой в условиях социального неравенства был экономически зависимый, но личностно свободный мелкий производитель, владеющий орудиями труда, – обстоятельство, которое стимулировало его инициативу. Это позволило именно на данном витке развития обеспечить радикальный поворот в историческом процессе, положив конец доиндустриальному этапу в мировой истории, обозначив, довольно отчетливо на какое-то время контуры будущего общества. Специфика западноевропейского региона и по ряду показателей Европы в целом, – сделала его лидером социально-экономической, политической и культурной модернизации мирового исторического процесса.

Конечная временная граница этапа, условная и растянутая и для западноевропейского региона, отделена от нас в масштабах исторического времени всего тремя-двумя с половиной столетиями, что делает живой нашу историческую память.

В качестве второго аргумента можно указать на познавательную сторону интересующего нас вопроса, поскольку

средневековый опыт обнажает генезис движения от этнической незрелой общности к «национальному» объединению, конкретизируя процесс.

Начальный этап этого движения, который определяет в известной степени будущие возможности, слабости или, наоборот, достижения его результатов, облегчает, таким образом, понимание и усвоение уроков прошлого, или поиски выхода из трудных ситуаций сегодня.

Последний аргумент касается эпистемологии вопроса, убедительно демонстрируя важное условие современного потенциала мирового исторического знания – плодотворность и необходимость комплексного видения явления как наиболее полного из возможных приближений к его воссозданию и пониманию исследователем.

Примечания

¹ Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. СПб.: Алетейя, 2001; Королевский Двор в политической культуре Европы в средние века и Раннее Новое время. Теория. Символика. Церемониал / Отв. ред. Н.А. Хачатурян, М.: Наука, 2004; Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти / Отв. ред. Н.А. Хачатурян, М.: Наука, 2006; Искусство власти: В честь профессора Н.А. Хачатурян / Отв. ред. О.В. Дмитриева, СПб.: Алетейя, 2007; Власть, общество, индивид в Средние века и

раннее Новое время / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М.: Наука, 2008; *Хачатурян Н.А.* Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008; Властные институты и должности в Европе в Средние века и Раннее Новое время/ Отв. ред. Т.П. Гусарова, М. 2010; Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / Отв. ред. Н.А. Хачатурян, М.: Наука, 2011; Королевский двор в Англии XV–XVII веков / Отв. ред. С.Е. Федоров. СПб., 2011 (Труды Исторического ф-та. СПбГУ Т.7).

² *Пронина Е.А.* У истоков национального историописания: Андре Дюшен и Уильям Кэмден: Опыт историко-культурного анализа) Автореферат дисс. на соискание степени кандидата исторических наук. Санкт-Петербург, 2012.

Хачатурян Н.А.

I. Этнонациональные процессы: факторы, результаты, номинация явлений

I.I. Проблема этносов и протонаций в контексте социально-экономической и политической эволюции средневекового общества в Западной Европе¹

Побудительным мотивом для написания раздела монографии стали не только научные интересы автора, но и состояние вопроса в исторической литературе. Являясь объектом преимущественного внимания этнологов, социологов и культурологов, тема этнос – нации имеет долгую историографическую судьбу, благодаря которой отечественная и западная наука располагает солидной базой конкретных и теоретических, часто спорных исследований.¹ Изучение вопроса сегодня (имею в виду вторую половину XX – первые де-

¹ Глава подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 12-01-00366а.

сятилетия XXI столетия) впечатляет разнообразием направлений, многие из которых тяготеют к разработкам биологических, социо-функциональных, культурно-исторических аспектов темы. Весьма заметный интерес в последнем случае к проблемам восприятия явления и его образа в коллективном или индивидуальном сознании членов этно-национальной общности, реализованной в темах «образ другого», идентичность и самоидентификация этносов и наций, – был определен радикальными изменениями в философии и истории второй половины XX века. Они дали новое понимание роли и природы фактора сознания в историческом процессе и эпистемологии, в частности, благодаря преодолению традиционной альтернативы в оценке соотношения материи и духа.

В этом потоке множественного разнонаправленного поиска неизбежно, как показывает опыт изучения исторической мысли, появление крайних оценок, или максимализация значимости какого-то одного научного направления. Подобный настрой делает возможными парадоксальные (даже с коррективой на «вырванность» из контекста) заявления в виде вопроса о том, – группа ли порождает идентичность, или индивиды, идентифицирующие себя, – порождают группу? Аналогичное впечатление производит утверждение: «нет общности, поскольку она не воспринята»...

Очевидно, авторы подобных крайних заявлений стремились подчеркнуть значимость фактора «состояния умов»

в истории. Но рассуждения по принципу альтернативы, казалось бы уже изжитые наукой, – как правило упрощают понимание явления или процесса, не будучи соотнесенными, хотя бы в виде упоминания, – с более широкой картиной факторов, других подходов и других соображений по поводу их анализа.

Специалиста по политико-государственной истории, несомненно, интересуют встречающиеся в литературе рассуждения о «нациях». Нельзя не согласиться с утверждением известного американского социолога Б. Андерсона относительно национального сознания сообщества, по мнению которого оно предполагает способность его членов понять и помнить обо всем, что объединяет их, и забыть все, что их разъединяет. Однако оценка нации как «воображаемой конструкции», существование которой не только гарантируется, но и «создается стратегией управления» (*imaginaire politique*) вызывает возражение категоричностью акцента, напоминая о необходимости соблюдения комплексного подхода к анализу исторических явлений. Именно последняя оценка побудила нас обратиться к спорному сюжету, поставив вопрос о роли социального и политического факторов в процессе движения общества от этнических образований к протонациональным и далее национальным государствам. Будучи медиевистом, автор могла себе позволить анализ только предыстории такого явления как «нация», на этапе которой, тем не менее, закладывались базовые условия ге-

незиса явления, что позволяет, таким образом, конкретизировать когнитивные возможности подобного решения темы, поскольку именно этап становления явления может выразительно высветить глубинные компоненты в качестве условий его конституирования и даже дальнейшего существования, его будущей прочности, или слабости... В индустриальной и постиндустриальный период, когда явление «нации» получит качественную завершенность и станет общим фактом, подобно более или менее сбалансированному типу социального развития современных стран или их парламентского устройства, – быстротекущие политические события потеснят в сознании современников глубинные процессы. В этой ситуации может показаться, что нации, существуя в динамичном и быстроменяющемся пространстве «короткого времени», как знак «гражданственности», действительно обязаны своей данностью исключительно усилиям и способностям государства, которое, в свою очередь, оказывается в положении явления, «шагающего в воздухе, как в китайских картинах, где отсутствует земля».²

Требуемую в подобных случаях научную коррективу может обеспечить апелляция к принятой сегодня научной методологии исследования, основными принципами которой являются комплексное и системное видение исторического процесса, а также связанный с ними социальный подход к политической и духовной истории. Став величайшим достижением исторической мысли XIX века, все три принци-

па увеличили свой эпистемологический потенциал благодаря процессу обновления исторического знания в новейшее время, что помогает исследователям с большим успехом уловить и отразить в своих «конструкциях действительности» гибкость и динамичность последней. В контексте интересующей нас темы, в ряду новаций следует выделить признание ученым сообществом сложного неоднозначного характера внутрисистемных связей разноуровневых компонентов комплексного процесса; возможность опережающего или исключительного значения одного из факторов процесса; подвижность и гетерогенность самой системы, её креативные способности...

Новые решения, предлагаемые историческим знанием, могут облегчить трудную задачу достижения гибкой и по возможности взвешенной оценки роли политического фактора в историческом процессе. Неизбежная связанность с инициативным, волевым, организующим началом, которое воплощают верховная власть, деятельность государственного аппарата, политическая мысль, – ставила политический фактор в особое положение в общественной жизни хотя и при прочих экономических, социальных и культурно-исторических условиях ослаблявших или усиливавших его роль.

Его история начинается с момента вступления человеческой общности на путь цивилизационного развития, оказываясь, таким образом, связанной с формированием этносов, хотя функциональная множественность и степень ис-

ходного воздействия этого фактора были заметно ограничены. Тем не менее, принятая в научной литературе расшифровка определения «этнос» выглядит неполной, часто будучи ограниченной упоминанием таких параметров явления как общность происхождения, языка, территории, традиций, мифологической культуры. Очевидно, что в этом случае во внимание приняты только природно-естественные и культурноисторические компоненты явления. Однако человек становится фактором исторического процесса как член сообщества – социального организма, который институционализирует себя пусть в примитивных, но политических формах также. Даже на этапе догосударственной истории задачи военной защиты, реализации поведенческих норм и общих жизненных проблем, будь то хозяйственного или правового порядка – общины решали в политической форме народных собраниях, с помощью «публичных» лиц – старейшин, действовавших властью убеждения.

В контексте поставленной в статье проблемы этнонационального вектора развития полагаю целесообразным уделить специальное внимание «пространственному» или «территориальному» фактору, который должен был оказывать влияние не только на хозяйственные занятия членов сообщества, но формы их расселения и социальные связи. Изменения в пространстве расселения отражали и вызывали процессы трансформации этнических сообществ и их самосознания в эволюции от кровнородственных объединений к

сложным племенным союзам и затем территориальным образованиям, в том числе государственным, в рамках которых возникали связи, послужившие основанием для появления понятий «страна», «народность»... Непрочные границы раннесредневековых политических образований, их гетерогенность (вариант империй) или относительная гомогенность позволяют выделить в качестве особо значимых «объединительную» функцию государства и объединительные тенденции в общественном развитии.

В этом соотношении социального и политического факторов на этапе раннего средневековья, результативность воздействия последнего на этнические процессы выглядит более очевидной. Социальная действительность и происходящие в ней сдвиги реализовали себя, в отличие от политических событий, в пространстве медленно текущего времени, отражая близость западноевропейских народов первобытно-общинному периоду их истории, пребывая на начальных стадиях становления мелкого производства в его формах натуральной экономики, когда только возникал, в более или менее ускоренных темпах в зависимости от регионов, новый тип зависимого мелкого производителя, который, начав терять землю, – утверждал свой статус в качестве собственника орудий труда. Тем не менее, оба фактора – по-разному и в разной степени, – но влияли, в частности, на масштабность и характер объединительных процессов в этносах. Эти процессы реализовывались в условиях неравномерного раз-

вития и поэтому в неизбежных противоречиях центростремительных и центробежных тенденций. И государство, и общество, – могли при этом по каким-то показателям способствовать гетерогенности этнических процессов: государство – своей экстенсивной универсалистской политикой, подавляя какие-то племена и народы; общество – самим фактом непреодоленного полиформизма в составе своего населения и слабыми пока резервами для его преодоления. Малый этнос мог в большей или меньшей степени инкорпорироваться в более крупные объединения, или, наоборот, жестко сохранять свою автономию по отношению к «ведущему» или структурообразующему этносу в племенных союзах, народностях и далее – этнонациональных государствах.

Эти особенности отчетливо проявили себя в истории одного из самых крупных раннесредневековых государств в Западной Европе, с самой продолжительной по времени своего существования историей – государстве франков в эпоху Меровингов и Каролингов. Уже на этапе династии Меровингов исходная гетерогенность ведущего этноса – племенного союза франков, существующего к тому же в комбинации с галлоримским населением, была усилена поглощением королевств вестготов, затем бургундов с последующим присоединением Прованса. Имперские амбиции Карла Великого обеспечили новые импульсы для гетерогенных тенденций с иллюзией восстановления прежних границ Римской империи. Но нельзя не признать, что весьма «продвинутые» для

того времени институциональные формы патримониального государства Каролингов делали заметными его объединительные усилия. Их консолидирующий общество знак несли королевские указы, регулирующие судебную процедуру, состояние монетного дела, контроль за общественным порядком. В них имелись даже попытки контролировать соблюдение взаимных обязательств сеньоров и вассалов. Тем не менее, отмеченная нами «продвинутость» государственных форм на том этапе была весьма относительной, так как реализовалась в нормах практики «кормления» и личностных связей. Знак этнического полиморфизма отмечал попытку, условно говоря, «унификации» обычного права, точнее попытку трансформировать племенной принцип в территориальный, в 802 году, закончившуюся только редактированием и частичной модификацией Аллеманской, Баварской, Рипуарской и Саксонской правд, при сохранении легального действия упрощенного Кодекса Юстиниана и бревиария Алариха. Тем не менее, красноречива и сама попытка верификации обычного права, подобно факту перевода текста Салической правды на верхненемецкий язык. Наконец, за рамки оценки объединительных тенденций только в политическом контексте выходит неоднозначный, но подготовленный объективными условиями, факт распада универалистской империи Каролингов при формировании в ее недрах трех больших агломераций – народностей, прорисовавший дальнюю перспективу национальной истории трех западноевро-

пейских народов и государств – Франции, Германии, Италии.³

Собственно средневековый этап западноевропейской истории, когда утвердилась новая общественная система, изменил, но не отменил полиморфизм общества в целом, по определенным параметрам даже умножив его. Условия реализации крупной земельной собственности, предопределив необходимость политического иммунитета ее владельцев, – легализовали их частную власть, результатом которой стал полицентризм политической структуры.⁴ Это обстоятельство не способствовало политической стабильности, особенно в условиях «феодальной раздробленности» (X–XII вв.), тем более, что верховная государственная власть, борясь с внутренним для нее злом полицентризма, – во многих случаях не отказывалась от универсалистских планов, на уровне международных отношений перекраивая политическую карту Западной Европы. Отмеченные тенденции подпитывала, делая возможными, глубинная основа общественной структуры – мелкое производство, что в совокупности условий предопределило сущностную черту средневекового общества – его партикуляризм. Это обстоятельство не могло не отразиться на судьбах интересующего нас вопроса этнического развития, обнажив главное условие в процессе формирования социально – политических организмов, какими должны были стать нации – непременно преодоление средневекового партикуляризма, должное обеспечить рождение

нового «единства» человеческих сообществ. Подобный процесс имел постепенный, относительный по своим итогам характер и, главное, – не мог стать результатом только политического развития.

В этом контексте особый интерес представляют процессы, происходившие в западноевропейском обществе в период XIII–XV вв. и раннее Новое время, которые открывали и реализовывали движение по данному пути.

В исторической литературе, особенно общего характера, оценка значимости отмеченных изменений часто ограничивается, в частности, для «отправного» отрезка времени XIII–XV вв., – их ролью в процессе централизации – действительно очень важного рубежа в истории западноевропейских народов и государств. Однако само понятие «централизации» оказывается недостаточным для обозначения глубины начавшейся модернизации самой структуры средневекового общества, замыкая внимание на государственной политике, даже если при этом не игнорируются социально-экономические предпосылки для ее реализации. Общий и вместе с тем сущностный смысл процесса модернизации в интересующем нас аспекте анализа целесообразнее было бы определить понятием «консолидации», способным стать общим и знаковым для всей совокупности общественных отношений – экономических, социальных, политических и духовных. Применительно к процессам формирования протонациональных образований в условиях сохранявшего себя этнического по-

лиморфизма, понятие «консолидация» также демонстрирует свою известную корректность, не купируя ни одну из трудностей на этом пути: вариативный и неоднозначный характер процессов, возможность их конечной незавершенности, могущей взорвать на каком-то этапе «национальную» общность.

Именно консолидация сообщества как глубинный и комплексный процесс способствовала с большим или меньшим успехом и в зависимости от конкретно-исторических условий, – преодолению любых локальных, в том числе этнических, привязанностей и норм жизни, не всегда уничтожая, но перекрывая их, отодвигая в сферу по преимуществу частных отношений, предлагая членам сообщества в вопросах существования и выживания новые социально-экономические, политические и культурные формы и масштабы жизнедеятельности.

Наша попытка суммировать основные социально-экономические условия процессов консолидации, красноречиво рисует формирование уже для периода XIII–XV вв. нового образа средневекового общества, в известном смысле несущего на себе знаки его будущего конца. Однако, соблюдая принцип «восхождения», было бы правильнее оценить формирование этого нового образа как свидетельство потенциала средневековой общественной системы, не преувеличивая вектора направленности на будущее, во всяком случае в его разрушительных последствиях. Среди причин, призыва-

ющих исследователей к осторожности, можно назвать длительную временную протяженность средневековых процессов в экономической и социальной жизни, несмотря на постепенное ускорение темпов развития, особенно заметное в условиях раннего Нового времени. Целесообразно в этой связи вспомнить о признании современной медиевистикой справедливости понятия «долгого Средневековья». Это понятие, некогда введенное Жаком Легофом, должно было подчеркнуть по мысли известного французского историка факты медленного изживания средневековых форм сознания даже на поздних этапах раннего Нового времени. Ныне это понятие приобрело функциональное значение для признания гетерогенности развития в раннее Новое время всей совокупности общественных отношений. Оно существенно корректирует современные представления о сложности «переходного периода» какими для Западной Европы стали XVI и XVII века, когда новый, уже ведущий уклад еще не обрел качественной системной определенности.

Возвращаясь к вопросу о «больших возможностях» средневековой общественной системы в социально-экономической сфере благодаря производителю, хотя и зависимому, но владеющему орудиями труда, – важно обратить внимание на явление общественного разделения труда, ставшего дополнительным и радикальным по своим последствиям фактором прогресса. Не фиксируемый точной датой, этот медленный глубинный процесс обозначил свое оформление исклю-

чительно важным делением экономики на два сектора: ремесленного и аграрного производства (VIII–X вв.). Результатом этого качественного сдвига стало развитие товарной экономики, вытеснявшее натуральные формы хозяйства, служившие основанием для экономического и политического полицентризма.

Дальнейшее развитие общественного разделения труда воплощал процесс *специализации*, охвативший все стороны общественной жизни – экономическую, – социальную (социальные функции и стратификация населения), – политическую (формирование системы государственного управления), – культурно – образовательную. Иными словами, этот фактор стал базовым условием формирования в обществе разнообразных и множественных связей, которые создавали по-новому консолидированное общество, выводя жизнь его членов за рамки вотчинных и общинных, цеховых и городских, сеньориально-вассальных, наконец, местных и провинциальных связей. Набрав силу в XIII–XV вв., этот процесс повысил значимость и изменил роль орудий труда в структуре производительных сил в обществе. Заметный прогресс в орудиях труда, подкрепленный освобождением собственности на орудия труда для ремесленников от контроля со стороны земельного собственника по результатам освободительного движения городов в XII–XIII вв., – подрывал монопольное в аграрных обществах положение земельной собственности в качестве основного средства производства, вы-

тесняя постепенно ручной труд («средневековая индустриализация»). Изменения в структуре производительных сил позволяют в рамках ретроспективного анализа и «долгой протяженности» увидеть будущую конечную границу доиндустриального периода в истории западноевропейских народов. Однако для достижения этой границы им придется пережить этап крупного мануфактурного производства, развитие которого только начнет работу могильщика мелкого производства – этой основы средневековой общественной системы. Мануфактурное производство не справится с подобной задачей, оставив её решение индустриальному обществу Нового времени, существенно продвинув, тем не менее, процесс преодоления, – в пределах возможного, – партикуляризма в экономике.

В контексте вопроса об условиях преодоления партикуляризма в средневековом обществе, оценка социальных результатов в ходе его модернизации дает не менее любопытный материал.

В их ряду – изменение статуса мелкого производителя в деревне – появление лично свободного крестьянина; развитие нового социального организма – города и оформление городского сословия, консолидировавшего лично свободных мелких производителей и собственников в ремесле и торговле. Отмеченные сдвиги сообщили средневековой общественной системе необходимую полноту и относительную «завершенность».

Развитие свободной собственности на орудия труда становится источником денежного капитала (главным образом в ремесле и торговле), повысив социально – экономический и до известной степени политический статус его обладателей. Это в свою очередь способствовало социальной динамике, – вытесняя личностный принцип в социальных связях денежными отношениями, ослабляя тем самым принципы социальной стратификации.

Показателем наиболее важных по значению социальных сдвигов стал процесс социально – политического самоопределения общественных сил в Западной Европе, заметно расширивший состав людей, приобщенных к общественной активности.

Она реализовалась на разных уровнях корпоративного движения в рамках цеха, гильдии, города, сельской общины. Высшую форму социальной активности обеспечило оформление сословий, предполагавшее уровень общегосударственной консолидации и социально – политическую активность общественных сил в органах сословного представительства. Ситуация радикально меняла социально-политическую расстановку общественных сил в стране, существенно расширив состав лиц за счет непривилегированного населения, в частности горожан, оказавшихся способными (в той или иной мере) выйти на диалог с монархом, сформировав выборный общественный орган и попытавшись ограничить с большим или меньшим успехом авторитарную власть.

Сословное самоопределение, несомненно, отразило и, главное, способствовало консолидации средневекового общества. Однако этот процесс, созданный творчеством только европейских народов на этапе средневековой истории, нес на себе печать корпоративной ограниченности, которая не позволяла обществу осознать себя единым социальным организмом. Условием для достижения подобной цели должна была стать отмена сословной стратификации и внедрение принципа юридического равенства всех перед законом. Достижение подобного условия принадлежало другому времени, будучи подготовленным, тем не менее, предшествующим средневековым опытом жизни.⁵

Что касается политической сферы жизни в предыстории западноевропейского общества периода Нового времени, — то процессы внутренней консолидации здесь шли, условно говоря, примерно с XIII века, в рамках особой формы средневековой государственности — так называемого «государства *moderne*» (*Etat moderne*), которую посчитала целесообразным выделить современная историческая наука. В контексте социальных отношений эта форма предполагает не столько процесс установления, сколько данность существования феодальных отношений, их углубления и модернизацию.

В политическом контексте эта форма позволяет оценить теперь уже результативность для верховной власти процесса централизации, на базе которого изживались, преодолева-

лись черты так называемой патримониальной государственности, характерной для периода генезиса феодальных отношений и раннего этапа их утверждения. Отличительным знаком этой политической формы являлся частный (личностный) принцип в социальных связях и государственном управлении. Власть монарха конституировал земельный домен, что уподобляло его крупным сеньорам, располагавшим политическим иммунитетом (он только «первый среди равных», «сюзерен» в системе сеньориально-вассальных отношений, но не «суверен»); монарх располагал только формой «дворцового управления», действующего в пространстве личностных связей (например, служба по долгу вассала сеньору; институт «кормлений»); он имел ограниченные материальные возможности для реализации функции протекции или принуждения.

Модернизация средневековой государственности сделала отличительным знаком новой политической формы утверждение публично-правовой природы власти и аппарата управления. Новая форма была подготовлена изменениями в социальной базе монархий, формированием системы государственного аппарата управления, развитием позитивного (государственного) права, импульсом и фактором для которого стал ренессанс римского права. Теперь государственный аппарат материализовал притязания монарха на высшую власть «суверена» – «императора в своем королевстве», действуя в новых по характеру связях с ним – не личност-

ных, но «публичных», опосредованных государством: оплата службы в денежном эквиваленте формировалась из поступлений не от домениальных доходов монарха, но от налогов, сконцентрированных в казне.

Публично-правовой контекст в деятельности верховной власти резко увеличил ее функциональные возможности. В сознании средневекового общества монарх олицетворял публичное Право, Закон и Общее благо, то есть те нормы и принципы, которые оправдывали, делая более эффективной его политику, в частности по преодолению полицентризма и, что особенно важно в свете интересующего нас вопроса, – формированию института подданства. С помощью института подданства вытеснялась частная власть сеньора в вотчине, корпоративная автономия профессиональных или территориальных образований, включая города. Их население становилось открытым для государства и подконтрольным ему. Государство «перетягивало» исключительно на себя функции протекции и порядка, монополизируя таким образом решение жизненных проблем и надежды общества на реализацию именно им – справедливости и общественного блага.⁶

Завершая характеристику проявлений социально-политического фактора, уводящих средневековое сообщество от партикуляризма, следует назвать уже упомянутую выше политическую форму «средневекового парламентаризма». Тогда речь шла об этом явлении в контексте социальной эволюции – процессах сословного самоопределения и консолида-

ции общественных сил. В данном случае целесообразно отметить роль этого органа в качестве школы воспитания общественной активности. Представительный орган действовал в рамках сословного, следовательно, тоже корпоративного деления, что в известном смысле снижало его «консолидирующую значимость». Однако сословное самоопределение предполагало общегосударственный уровень консолидации для каждой сословной группы; их представители решали вопросы, связанные с общегосударственными интересами; наконец сама совокупная практика депутатов должна была содействовать выработке в обществе представлений о государстве как «общем теле»

Подобные изменения могли формировать позицию «гражданственности» в поведении членов сообщества, теперь озабоченных не только проблемой обретения политических прав, но способных испытывать чувство ответственности за «общее благо». Деятельность средневековых парламентов обеспечивала пока только первые шаги на путях превращения общности в «национальное тело», – задача, которая оказалась по плечу уже Новому времени, провозгласившему всеобщее юридическое равенство. Декларации об отмене сословного деления явились не только результатом решимости депутатов парламентов XVII–XVIII веков, в частности английского или французского. Страсти политической борьбы в этих учреждениях могли провоцировать депутатов на весьма радикальные, хотя и далекие от реального напол-

нения заявления, двумя-тремя столетиями опережая революционное время в Западной Европе.⁷ Однако в последнем случае решения об отмене сословного деления определялось готовностью большей части общества принять подобную новацию.

Полученный в результате предпринятого в статье анализа материал позволяет высказать несколько заключительных соображений. Их возможность в известной мере предопределил подход к решению поставленной в разделе проблемы. Этот подход характеризовала в первую очередь попытка рассмотрения явлений этносов и наций в их временной последовательности, которая позволила на наш взгляд подчеркнуть перетекание этнических общностей в национальные, при более или менее этно-гетерогенной форме единства новых образований и естественных возможностях для каких-то этносов стать в них ведущей силой в зависимости от конкретно-исторических обстоятельств.

Специальное внимание в статье политическому фактору в развитии этнонациональных процессов не перечеркнуло комплексного видения каждого из явлений, но не позволило ограничить оценку этносов по преимуществу культурно-историческими и эмоциональными показателями, или свести характеристику наций в качестве исключительно политических конструкций. Оба явления воплощали комплексную совокупность естественно-природных, социально-экономических, социально-политических и культурных параметров

развития в своем содержании. Существенно трансформированные во времени, эти параметры оставались преемственными. Модернизация средневекового общества и растущая институциональная зрелость государственности на этапе публично-правовой истории – по сравнению с этнополитическими сообществами эпохи раннего средневековья меняли формы, масштабы и историческую судьбу новой общности, чаще всего этногетерогенной. Но эти процессы не перечеркнули присущие человеку привязанности к месту своего рождения – его «малой родине» (*pays de nativite*), языку или диалекту, на котором он начал говорить. Принадлежность к «малой народности» не мешала принять новые формы социальных связей, соучаствовать в образовании «национальной» культуры и общенационального языка. Хотя, естественно, – подобный «плавный» исход процессов этнонациональной эволюции зависел от многих обстоятельств, в частности, – от степени самоопределения и зрелости, в том числе институциональной, этнических групп в их гетерогенном протонациональном образовании. Он также предполагал соблюдение определенных условий в сосуществовании этих общностей, и прежде всего, – взаимного соблюдения норм поведения: не насильственного со стороны ведущего в национальных образованиях этноса и согласия принять другой этнической или полиэтнической частью сообщества, новую историческую судьбу. Подчеркнутые в статье факты преемственного развития явлений «этнос – на-

ция» и силу этого вектора движения получили убедительное подтверждение в наши дни. Сегодня оно свидетельствует о незавершенном характере процессов трансформации этносов в нации даже в эпоху глобализации мировой истории, может быть, как раз активизируясь в качестве противовеса этой тенденции?

В предпринятом анализе, – его объектами стали по преимуществу две сферы исторической действительности – социальная и политическая. Они рассматривались в тесной связке друг с другом, хотя и на уровне, главным образом, социологических процессов, при сознательном элиминировании конкретно-исторической событийной и духовной истории, что потребовало бы специального внимания и выхода за рамки статьи. Тем не менее, именно в её заключительной части и в качестве заключения, позволю себе коротко обратиться к политической событийной ситуации из близкой моим научным интересам истории Франции с тем, чтобы подчеркнуть значение и результативность процессов, которые должны были способствовать формированию «национального» качества еще средневековых государственных обществ.

Достаточно «нейтральный» для эксперимента по принятым в науке меркам «средневековой истории» опыт так называемого периода «классического средневековья», то есть XIV–XV века – демонстрирует для исследователя пример весьма тяжелой «проверки на прочность» французского го-

сударства и общества, и пусть начальных, но итогов процессов этнонациональной консолидации, а именно, – угрозу потери независимости в Столетней войне. Оккупация значительной части территории, гибель людей и разорение и раскол страны, английский король на французском престоле, – безвыходная, казалось бы, ситуация, получившая неожиданный и благоприятный исход. Он традиционно объясняется в литературе указаниями на фактор «освободительной» войны и успехи в конечном счете государственного строительства. Однако материалы статьи существенно дополняют картину фактами принципиальных изменений в природе власти, сделавших последнюю основным носителем

функции порядка и юстиции, – в природе общества, особенно его непривилегированной части, и характере диалога монарха и общества. Совокупность этих взаимосвязанных процессов – социальных, институциональных и Этнонациональных – сформировала политико-государственную устойчивость и возможности военного сопротивления. Разработки последних лет, в частности, в «отечественной» литературе, существенно углубляют и традиционные объяснения феномена Жанны де Арк. В них обычно подчеркиваются «размах» освободительной войны, мистическая вера в легитимного монарха, религиозное сознание общества и самой героини. Не опровергая этих объяснений, хотела бы напомнить, что это бесспорно неординарная по своим качествам личность родилась и формировалась в специфической сре-

де французской деревни. Её актер не серв, но цензитарий, не только лично свободный человек, но производитель, получивший заметные преимущества в операциях с земельным держанием (его заклад и даже продажа); в условиях выраженной тенденции к ликвидации сеньориальной запашки превративший свое хозяйство в основную производственную единицу, наконец, – член сельской общины, реализующей формы самоуправления в её взаимоотношениях с собственным сеньором и внешним миром. Все эти особенности стимулировали общественную активность сельских жителей, повышали их ощущение самоценности, меняли поведенческие нормы. Не следует забывать, что размах и эффективность освободительной борьбы определял не только её «народный» характер, но факт организованного сопротивления в деревне и в городе, население которых действовало в привычных для них формах городских и сельских корпораций. Более того, – государство в свою очередь использовало сельское и городское ополчение, подключив их действия к военным операциям королевской армии.⁸ Новации в сельской жизни стали органической частью медленно набравшего силу процесса преодоления средневекового партикуляризма, который освобождал людей от ощущения их причастности к жизни только своей вотчины, города, провинции, монастырю, стимулируя восприятие ими собственной принадлежности к сообществу в целом. Ощущение «своего корня (souche)», ранее связываемое с местом непосредствен-

ного рождения – в новых условиях могло и должно было обретать форму восприятия страны в целом как Родины, – в качестве знака общей исторической судьбы и исторического сосуществования, очерченных геополитическими границами.

Неслучайно, едва ли не определяющим мотивом многочисленных политических трактатов XIV и особенно XV века во Франции следует признать мысль об «общем деле», «общем долге» защиты Родины. Даже с коррективом на просматриваемый в трактатах «правительственный заказ», который не могли не осознавать их авторы, часто бывшие королевскими чиновниками, подобно А. Шартье или Дезюрсену, такая позиция была знаковой⁹. Более определенным и «массовым» по характеру свидетельством общественных настроений стала реакция – если не общества в целом, то значительной его части на Труасский договор 1420 г., лишивший Францию права на существование её в качестве самостоятельного государства и разделивший страну на два непримиримых лагеря. Конечной стала победа противников договора, посчитавших невозможным «двойное государство», даже при сохранении самостоятельного управления для обеих частей, при одном, но «чужом» для Франции английском короле. Ситуация демонстрировала рождение новой формы государственности, судьбы которой уже не решались в лимитах только династических, тем более сеньориально-вассальных и, в целом, – связях личностного характера или принципах

частного права.

Рост институциональной зрелости французской государственности шел параллельно этнонациональной консолидации наполнявшей его общности, нормы жизни которой теперь на общегосударственном уровне регулировали публичные Закон и Право.

Примечания

¹ *Широкогоров С.М.* Этнос. Исследование основных принципов изменений этнических и этно-природных явлений. Шанхай, 1922; *Бромлей Ю.Н.* Этнос и этнография М. 1973; *Элита и этнос Средневековья* / Под ред. А.А. Сванидзе М., 1995; *Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья* / Под ред. Р.М. Шукурова. М., 1999; *Античность, культура, этнос* / Под ред. А.А. Белика. М., 2000. С. 229–276; *Луцицкая С.И.* Образ другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001; *Тишков В.А.* Реквием по этносу. Исследования по социокультурной антропологии. М., 2003; *Нация и история в русской мысли начала XX в.* М., 2004; *Костина А.В.* Реквием по этносу или «Виват этнос!» // *Национальная культура. Этническая культура. Мировая культура.* М., 2009; *Вопросы социологической теории* // *Научный альманах* / Под ред. Ю.М. Резника, М.В. Толстановой. М., 2010. Т. 4; *Hu-isinga J.* Patronism and Nationalism in European History. Men and Ideas. London,

1960. P. 97–155; *Guenée B.* D'histoire de l'Etat en France a la fin du Moyen Age vue par les historiens francais de puis cent-ans» *Revue historique*, t. CCXXXII, 1964, pp. 351–352; idem, «Etat et nation en France au Moyen Age // *Revue historique*, t. CCXXXVII. No. 1. P. 17–31; Idem. Espace et Etat dans la France du Bas Moyen Age // *Annales*. 1968. № 4. P. 744–759; Weber M. *The Sociology of Religion*. London, 1965; Idem. *Economy and Society*. N.Y., 1968; Chevallier J. *Histoire de la pensee politique*. t. I; De la Cite-Etat a l'apogee de l'Etat-Nation monarchique. t.II, Ch.V. Vers l'etat national et souverain. P., 1979. P. 189–214; *De Vos G.* *Ethnic Pluralism: Conflict and accommodation / Ethnic Identity: Cultural Continuities and Change*. Chicago, London, 1982. (Перевод: «Личность, культура, этнос / Под ред. А.А Белика. М., 2001. С. 229–276; *Anderson B.* *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London, 1983; Beaune C. *La Naissance de la nation France*» P. 1985; *Smith A.* *The Ethnic Origins of Nations*. Oxford, New-York, 1986; Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996; Ясперс К. *Общая психопатология*. М. 1997; *Moeglin J-M.* *Nation et nation-alisme du Moyen Age a l'Epoque Moderne (France – Allemagne)* // *Revue historique*. CCC. 1/3. 1999. P. 547–553; Idem *Dela «nation allemande» en Moyen Age* // *Revue francaise d'histoire des idees politiques*. Numero special: Identites et specificites allemandes. N. 14. 2001. P. 227–260; *Geary P. J.* *The Myth of Nation. The Medieval Origins of Europe*. Princeton, 2002; Хантингтон С.

Столкновение цивилизаций. М., 2003; Он же. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности М., 2008; Гидденс Э. Социология. М., 2005; Этнические группы и социальные группы. Социальная организация культурных различий / Под ред. Ф. Барта. М., 2006; Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М., 2008.

² Выражение Ж. Мишле, представителя школы романтизма во французской исторической науке. Во вступлении к последнему прижизненному изданию своей «Истории Франции с конца XV века до 1789 года», он, по существу предвосхищая принципы формирующегося тогда направления позитивизма, пишет о необходимости комплексного видения исторических явлений и, в частности, «укоренения в почву» политической истории. *Histoire de la France par la fin du XV siecle jusqu a 1789*. P., 1869.

³ *Fournier G. Les Merovingiens*. Paris, 1966; Halphen Z. *Charlemagne et l'empire carolingien*. P., 1995; Lemaignier J.-Fr. *La France medieval. Institutions et Societe*. P. 1970. T.I; Favier J. *Charlemagne*. P., 1999.

⁴ *Хачатурян Н.А. Полицентризм и структуры в политической жизни средневекового общества // Хачатурян Н.А. «Власть и общество в Западной Европе в Средние века*. М., 2008, С. 8–13.

⁵ *Хачатурян Н.А. Средневековый корпоративизм и процессы самоорганизации в обществе. Взгляд историка-ме-*

диевиста на проблему «коллективного субъекта // Хачатурян Н.А. Власть и общество... С. 31–46; *Она же*. Европейский феномен сословного представительства. К вопросу о предыстории «гражданского общества» / / Власть и общество. С. 156–227, 178–188; *Она же*. «Суверенитет, закон и вся община»: взаимодействие и дихотомия власти и общества» // Власть, общество, индивид в средневековой Европе / Под ред. Н.А. Хачатурян. М., 2008. С. 5–10.

⁶ *Хачатурян Н.А.* Феномен сословного представительства в контексте проблемы *Etat Moderne* // Общество, власть, индивид. С. 34–43; *Она же*. Западно-европейский монарх в пространстве взаимоотношений с духовной властью (морфология понятия власти) // Священное тело короля: ритуалы и мифология власти / Под ред. Н. А. Хачатурян. М., 2006, С. 19–28; *Она же*. «Король – император в своем королевстве. Политический универсализм и централизованные монархии // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и Раннее Новое время / Под ред. Н.А. Хачатурян. М., 2001 С. 66–88; *Stayer J.R.* On the Medieval Origins of the Modern State. Princeton, 1970; *Renaissance du pouvoir legislative et genese de l'Etat* / Ed. A. Gouron, A. Rigaudiere, Montpellier, 1988; *Les monarchies: Acte du colloque du Centre d'analyse comparative des systems politiques / Le Roy La-durie. P.*, 1988; Coulet N et Genet.-Y-P. *L'Etat modern: territoire, droit, systeme politique. P.*, 1990; *Genet Y.-P.* *L'Etat modern. Genese, Bilans et perspectives. P.*, 1990; *Quillot*

O., Rigaudiere, Sasser Yv. Pouvoirs et institutions dans la France medievale. P. 2003; *Genet G.-Ph.* L'Etat moderne: genese, bilans et perspectives. P., 1990; Visions sur le developpement de l'Etats europeens. Theorie et historiography de l'Etat modern // Actes du colloque, organise par la Fondation europeenne de la science et l'Ecole fransaise de Rome 18–31 mars. Rome. 1990; Les origins de l'Etat moderne en Europe / Ed. par W. Blockmans et J.-Ph. Genet. P., 1996.

⁷ Автор дневниковых записей заседаний Генеральных Штатов во Франции 1484 Жан Масслен отмечал факты радикальных настроений депутатов, напоминая всем присутствующим, что королевская власть – только «служба» на благо государства Великий сенешал Бургундии Филипп По сир де ля Рош в духе известной в Средневековье светской концепции происхождения королевской власти, провозгласил, по его словам, идею «народного суверенитета», назвав именно народ «верховным сувереном», некогда создавшим и короля, и государство... *Journal des Etats generaux tenus a Tour en 1484 sous le règne de Charles VIII, redige en latin par Jehan Masselin, depute de baillage de Rouen* (publ. par A. Bernier. P. 1835 P. 140–146, 166, 644–646. См. также *Хачатурян Н.А.* Сословная монархия во Франции XIII–XV вв. М., 1989. С. 225).

⁸ См. попытку рассмотрения истории самообороны в сельской местности в период Столетней войны в качестве самостоятельного фактора, оказавшего воздействие не только на

масштаб освободительного движения, но структуру и тактику будущей постоянной армии во Франции (роль пехоты в качестве самостоятельной части военной структуры; отход от принципов рыцарской войны). *Хачатурян Н.А.* Сословная монархия во Франции. Гл. IV: Структура и социальный состав армии XIV–XV вв., раздел: Самооборона народных масс. С. 145–156.

⁹ *A. Chartier.* «Le Quadrilogue invectif» (Четырехчастный обвинительный диалог) / Ed. Y.Droz. P., 1950; Juvenal des Uzsins «Ecrits politiques» / ed. P.S. Zewis, t.I. P., 1978; t. II. P., 1985; «Audite celi»... (Внемлите, небеса.) t.I. P. 145–278.

Хачатурян Н.А.

I. II. Медиевистика и национальный вопрос (о неопределенности определений)

Речь идет о некоторых соображениях по поводу понятия «нации» в разных его аспектах (историческом, филологическом, политическом, социальном, философском).

Национальный вопрос последние несколько столетий был постоянно актуален, а между тем само «реальное» существование наций и этносов ставится под вопрос настолько, что их называют воображаемыми сообществами. И между тем, с другой стороны, изучение истории проникнуто этническими интересами до такой степени, что специализация историков, наряду с хронологией, определяется этнографией: большинство из них занимается отечественными историями, а остальные специализируются по тем странам, языки которых им ближе (так, по крайней мере, в университетском преподавании). Но являются ли этнические общности историческими реалиями, о которых возможно научное, то есть непредвзятое, объективное и систематизированное суждение, или, в силу их сконструированности и неопределенности, в силу субъективности и в то же время предзаданности национальной самоидентификации такие суждения обречены нести идеологическую нагрузку?

1. Понятие «нации» в современном языке сформировалось исторически применительно главным образом к реальности XV–XX вв. Его нужно изучать в контексте как «конструктивизма» или инструментализма, так и в его (понятия) «объективных» основаниях.

Слова служат для описания феноменов, и как слова, так и феномены выстраиваются в некоторые иерархии и имеют свою историю.

Чтобы приблизиться к пониманию феномена «национального», я предлагаю рассмотреть, что такое идентичность вообще, как она применяется к историческим субъектам, затем уточнить понятия этноса и народа и после этого перейти к конкретной идее нации в ее историческом бытовании.

2. Итак, идентичность в самом широком значении – это факт тождества нескольких предметов, который тем самым говорит об их принадлежности к общему для них множеству, или тождества предмета (его образа) с самим собой. В философском смысле понятие «идентичности» фундаментально, так как из него вытекают всякое сходство и различие, и вместе с тем противоречиво, поскольку оно абстрактно – в природе не существует полной идентичности, вещи постоянно меняются, полное тождество невозможно. Противоречивость феномена «идентичности» заключается в том, что он предполагает раздвоенность: сопоставление чего-то с чем-

то, но раздвоенность уже не есть тождество, или, если речь идет об одной и той же вещи, ее тождественность самой себе только мыслится; это в любом случае прибавление к ее собственному бытию или отвлечение от этого бытия.

Феномен живой материи можно понимать как сохранение самоидентификации совокупности клеток; идея субъекта заключается как раз в наличии и постоянном воспроизведении неповторимой комбинации этих клеток, или даже отдельных молекул. Субъект представляет собой, таким образом, активную идентичность, повторение неповторимого (индивидуального).

В мире живой природы существуют не только индивидуальные субъекты, но и коллективные, а также, если можно так выразиться множественные. К коллективным относятся семьи и стада, рои насекомых; к множественным виды, подвиды и популяции. Самоидентификация природных организмов происходит почти автоматически, через общность происхождения и среды обитания; сущностные изменения происходят и накапливаются медленно. Животные руководствуются инстинктами, то есть заложенными природой инструкциями, диктующими линию поведения. Но в основе всего поведения лежит идея индивидуального и коллективного «Я», которое является мерилom ценностей. «Я» – это знак, или в семиотической терминологии, десигнат (обозначающее) идентичности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.